

II.

БИБЛИОГРАФІЯ.

СКАЗАНИЕ НЕЙТРАЛЬНАГО ОЧЕВИДЦА

О ГЕРМАНО-ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЙНѢ 1870—1871 ГОДОВЪ.

(Статья третья).

**Geschichte des deutsch-französischen Krieges
in den Jahren 1870 und 1871. Nach eigener Beobachtung und
nach den besten Quellen bearbeitet von Carl Abani. Leipzig,
Wien, Teschen. 1871.**

V.

Въ послѣднія десять лѣтъ Мецъ приведенъ былъ въ такое состояніе, что, по мнѣнію Абани, эту крѣпость можно было-бы называть, въ оборонительномъ смыслѣ, неодолимою, предполагая, конечно, съ гарнизономъ достаточнымъ, боевымъ, обильно снабженнымъ продовольствіемъ и снарядами. Въ смыслѣ наступательномъ, Мецъ, по своему положенію на одномъ изъ важнѣйшихъ коммуникаціонныхъ пунктовъ, на соединительной линіи Парижъ-Берлинъ, и на важной рѣчной линіи; по своему малому удаленію отъ границы—что позволяетъ собирать тамъ большія наступательныя силы даже въ томъ случаѣ, когда непріятель подошелъ на близкое разстояніе, и, наконецъ, по своему значительному простору внутри фортвъ, сдѣлался перворазрядною крѣпостію для арміи. Ничто не мѣшало первому правильному, спокойному сбору французскихъ войскъ въ чертъ дѣйствія Меца, если бы военное начальство, имѣя благо-

устроенную развѣдочную систему, узнало, что прусскія вооруженія кончены, причемъ, конечно, слѣдуетъ допустить условіе заблаговременнаго сосредоточенія въ крѣпости всего необходимаго. Въ такомъ случаѣ, французская армія устранила бы отъ себя первыя и рѣшительныя пораженія.

Результаты кампаніи выставили значеніе Меца въ яркомъ свѣтѣ. Единственныя сраженія въ теченіе всей войны, напомнившія былые подвиги французской арміи, обусловливались только тою опорой, которую крѣпость давала дѣйствующимъ войскамъ. Мецъ задержалъ подъ своими стѣнами значительную часть силъ атакующаго, такъ что эти силы могли примкнуть къ арміи, осаждавшей Парижъ, спустя слишкомъ два мѣсяца.... Вліяніе этой крѣпости обнаруживается еще въ томъ рѣдкомъ явленіи, что побѣдитель, несмотря на уничтоженіе непріятельской арміи, не взирая на то, что головныя части его войскъ стояли подъ Парижемъ, а боковыя колонны разгромили слѣдившіе на помощь столицы французскіе корпуса, принужденъ былъ на всей своей операционной линіи бороться съ многочисленными препятствіями....

Абани говоритъ не обвиняясь, что Мецъ стоилъ цѣлой арміи. Если бы не эта крѣпость, то уже въ тотъ моментъ, когда кронпринцъ приостановилъ свое движеніе къ Парижу и повернулъ на сѣверъ, сила, на примѣръ, въ 140,000 человекъ, могла бы быть двинута къ столицѣ Франціи, гдѣ фортификаціонныя работы еще не были кончены, сопротивленіе не было организовано, мужество же населенія было потрясено совершившимися катастрофами. «Безъ Меца» — прибавляетъ авторъ — «Парижъ, по всей вѣроятности, палъ бы 10-го сентября; даже организація войскъ въ Шалонѣ и попытка, конечно неудавшаяся, бросить на встрѣчу атакующему армію, оказались бы невозможными».

Авторъ упоминаетъ и о той важной моральной выгодѣ, которую доставили французской главной квартирѣ укрѣпленія Меца въ короткий тяжелый періодъ времени отъ 6-го до 10-го августа: только сборъ четырехъ корпусовъ, въ чертѣ мецскихъ твердынь, сдѣлалъ возможными восстановленіе порядка въ операціяхъ, связь въ приказаніяхъ, и ободрилъ войска.

Съ другой стороны, одолѣніе Меца стоило нѣмцамъ громадныхъ жертвъ: три битвы и сраженія, разыгравшіяся подъ его стѣнами, были кровопролитнѣйшими во всю кампанію. Уже въ сентябрѣ блокадный корпусъ сталъ нести жестокія потери отъ эпидемій: съ 10 по 25-е этого мѣсяца отсылалось отсюда ежедневно, среднимъ числомъ, по *тысячъ* больныхъ, а съ 25-го сентября до исхода октября

по *полторы* и даже по *два* тысячи, и постепенно наибольшая часть резервной арміи была отправляема туда изъ Кѣльна, въ общемъ итогѣ до 35,000 человекъ.

И такъ, крѣпость Мецъ имѣла величайшее вліяніе на ходъ всей кампаніи. «Если, при измѣненныхъ предположеніяхъ, позволено дѣлать выводы», говоритъ авторъ, «то едва-ли можно отрицать, что, при разумномъ веденіи войны, при лучше-организованной боевой силѣ, но, въ особенности, если бы эта сила была соединена подъ рукою даровитаго генерала, событія получили бы иной оборотъ, благодаря именно мецской крѣпости».

Кромѣ того, результаты послѣдней войны должны уяснить мнѣнія о значеніи, положительномъ или отрицательномъ, вообще крѣпостей и уничтожить нѣкоторые, въ этомъ отношеніи, предрасудки. Особенно тѣ государства, которыя не могутъ много рассчитывать на свои войска (на примѣръ, Турція), найдутся вынужденными прибѣгнуть къ пассивнымъ средствамъ для усиленія своей обороны, если не хотятъ пасть при нападеніи на нихъ противника боевого, имѣющаго превосходно-подготовленныя вооруженныя силы. Само собою разумѣется, крѣпость можетъ быть полезна только тогда, когда своевременно приняты мѣры къ сдѣланію ея полезною.

Абани предлагаетъ вопросъ: какой ходъ приняла бы кампанія, если бы прусаки знали что дѣлалось во французской арміи, или если бы они, отрѣшившись отъ своей обычной методики, двинули къ Мецу, тотчасъ послѣ побѣды 6-го августа, все свои, имѣвшіяся подъ рукою, силы? «Нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что энергическій натискъ увѣнчался бы успѣхомъ, потому что собиравшіяся въ Мецъ французскіе корпуса были и морально, и матеріально разстроены, потрясены, вооруженіе крѣпости заброшено, снабженіе ея продовольствіемъ не кончено».

Хотя авторъ и не опровергаетъ мнѣнія тѣхъ, которые упрекаютъ прусаковъ въ слишкомъ торопливомъ началіи боя 14-го (2-го) августа, прежде чѣмъ собрались значительныя силы всей арміи, однако именно это обстоятельство выставляетъ, по его убѣжденію, генерала Штейнмеца въ выгодномъ свѣтѣ. И вотъ почему: Штейнмецъ проявилъ, болѣе нежели всѣ высшіе прусскіе военачальники, духъ предприимчивости и любовь къ наступательнымъ дѣйствіямъ; ему было не по душѣ методически-медленное движеніе войскъ, а еще болѣе не правилась ему недѣятельная роль, на него возложенная (прикрывать главную ось дѣйствій нѣмецкихъ войскъ); онъ могъ рассчитывать на блестящіе результаты, вслѣдствіе безотлагательной эксплуатаціи побѣды 6-го ав-

густа и скорого перехода пространства между Саарбрюкеномъ и Мецкомъ.... Но такая самостоятельная, предприимчивая натура не ладила съ цѣлымъ зданіемъ прусской арміи, сооруженнымъ именно на методикѣ, и Штейнмецъ, за свой быстрый образъ дѣйствія, поплатился удаленіемъ съ театра войны.... Лучшею характеристикой этого престарѣлаго, но боевого генерала могутъ служить слова изъ приказа, отданнаго имъ 8-го августа по первой арміи, при переходѣ чрезъ границу: «Когда и гдѣ-бы ни встрѣтилъ насъ непріятель, я ожидаю, что онъ будетъ атакованъ съ величайшею рѣшительностью. Кавалерія пусть помнитъ старое неизмѣнное правило: всегда атаковать первую. Оправданія, что ничего не могло быть сдѣлано, я не приму тамъ, гдѣ слышны пушечные выстрѣлы. Всякая часть обязана идти по ихъ направленію и, прибывъ на поле сраженія, быстро сообразить обстоятельства боя, чтобы атаковать немедленно. Всякій высшій начальникъ части долженъ руководствоваться этимъ правиломъ въ правильномъ бою.... Настаиваю въ особенности на одномъ: что можетъ быть сдѣлано въ одинъ день, того никогда не слѣдуетъ раздѣлять на два дня. Только неустанною энергіей достигаются великіе результаты, а съ ними и миръ. Да даруетъ его намъ Богъ послѣ побѣдоносныхъ битвъ!»

О сраженіи 14-го августа при Борни, или при Мецѣ, какъ называютъ его французы, авторъ сообщаетъ сначала нѣмецкую реляцію. По словамъ ея, всѣ прусскія дивизіи удерживали за собою поле боя до десяти часовъ вечера и затѣмъ возвратились на свои бивуаки, такъ какъ главная цѣль—задержать здѣсь французскіе корпуса, чтобы приготовить важные успѣхи на лѣвомъ берегу Мозеля — была вполне достигнута. По источникамъ не-прусскимъ (о французскихъ нѣтъ и рѣчи), бой 14-го августа получаетъ иной характеръ; точно также и личныя наблюденія Абани клонятся къ выводу, что дѣло является «тактическимъ успѣхомъ» скорѣе французовъ, нежели прусаковъ, ибо порядокъ во французскихъ войскахъ при отступленіи за Мозель былъ несравненно большій, чѣмъ когда-либо. Достоверно одно: прусаки понесли громадный уронъ. Бригада Гольна, при одной изъ своихъ атакъ, была рѣшительно отброшена и въ полномъ разстройствѣ отступила на свои подкрѣпленія. Первый прусскій корпусъ (Мантейфеля), громимый, на лѣвомъ французскомъ флангѣ, концентрическими выстрѣлами картечицъ и пушекъ корпуса Ламиро, пострадалъ весьма чувствительно. Очевидецъ рассказываетъ, что прусскій король, пріѣхавшій на мѣсто сраженія тотчасъ послѣ побоища, былъ глубоко потрясенъ послѣдствіями кроваваго дня. Въ руки прус-

саковъ попало сравнительно малое число раненыхъ, такъ какъ большую часть ихъ перевезли въ мецскіе госпитали; въ ночь съ 14-го на 15-е Абани насчиталъ число раненыхъ, перенесенныхъ чрезъ «Ворота нѣмцевъ» (Porte des Allemands), до *двухъ сотъ пятидесяти*, и, соотвѣтственно тому, полагая общую цифру ихъ до *восьмисотъ*, онъ думаетъ, что уронъ французовъ не былъ особенно великъ.

Кромѣ того, Абани имѣлъ случай говорить съ нѣкоторыми ранеными и замѣтилъ въ нихъ настроеніе духа, вовсе не согласное съ тѣмъ, какое бываетъ у французовъ непосредственно послѣ несчастнаго дѣла.

Сраженіе, 16-го августа, при Вюнвилѣ, одно изъ кровопролитнѣйшихъ, стоило несравненно большаго числа жертвъ обѣимъ сторонамъ: въ немъ третій и десятый корпуса и части восьмого и девятого дрались противъ вдвое сильнѣйшаго непріятеля. Особенно пострадала дивизія авангарда, шесть часовъ сряду стоявшая въ огнѣ: это были бранденбургскіе полки № 6 и № 55. Нѣкоторыя части потеряли своихъ начальниковъ, а штыя *осталъ* своихъ офицеровъ. Въ одной ротѣ осталось только *двадцать человекъ* нераненыхъ. Одинъ кавалерійскій полкъ, попавшій подъ выстрѣлы батареи картечицъ, былъ истребленъ *почти весь*. Въ 52-мъ полку большинство штабъ-офицеровъ были или перебиты, или переранены; въ первомъ батальонѣ его уцѣлѣло около 280 человекъ, команду надъ которыми принялъ единственный нетронутый офицеръ. Однимъ батальономъ 24-го прусскаго полка начальствовалъ фельдфебель. Кавалерійская бригада Бредова (7-й кирасирскій и 16-й уланскій полки) лишилась наибольшей части людей. По словамъ автора, потери этой бригады должно приписать преимущественно приказанію, переданному начальникомъ штаба третьяго армейскаго корпуса, полковникомъ Фохтсъ-Рецомъ, который предложилъ командиру бригады прорвать значительныя массы французовъ пѣхоты, отъ чего зависѣла будто бы судьба сраженія. Построены были двѣ линіи: кирасирскій полкъ на лѣвомъ флангѣ, вдоль опушки лѣса, уланскій на правомъ, во ста шагахъ позади. Они атаковали послѣдовательно двѣ батареи, двѣ пѣхотныя колонны и опрокинули небольшую часть французской кавалеріи.

По первоначальному счету, уронъ прусаковъ, 16-го августа, простирался до 6,000—8,000 убитыхъ (въ числѣ ихъ принцъ Генрихъ Рейсъ, генераль-маіоры Дерингъ и Ведель) и до 30,000—35,000 раненыхъ (въ числѣ ихъ генералы Раухъ, баронъ Дикенброгъ и Бруэтеръ); французы потеряли отъ 10,000—15,000 убитыми, до 30,000 ранеными и до 6,000 взятыми въ плѣнъ.

Изъ всѣхъ донесеній, полученныхъ вслѣдъ за битвою, видно, что нѣмцы не вполне считали ее побѣдою, и что только въ теченіе 17-го числа, когда получены были извѣстія объ отступательномъ движеніи французовъ, успѣхъ тяжелаго дня признали въ главной прусской квартирѣ «стратегическою побѣдою». Авторъ замѣчаетъ еще, что тѣ пренебрежительные отзывы о французскихъ войскахъ, которые позже стали обычнымъ явленіемъ въ Германіи, не высказывались тогда въ прусскомъ лагерѣ. Напротивъ: презрѣніе смерти, доказанное французами, несмотря на ужасающія потери, внушало скорѣе уваженіе къ противнику, который самъ видѣлъ и сознавалъ недостатки организациі своей арміи и ошибки своихъ начальниковъ, и однакожь драгся доблестно. Въ такомъ смыслѣ писали на родину нѣмецкіе солдаты; но ихъ корреспонденціи передѣлывались въ редакціяхъ нѣкоторыхъ газетъ и французы выставялись трусами...

«Ни въ какомъ случаѣ, сраженіе 16-го августа не было ни для прусаковъ, ни для французовъ блистательною побѣдою», говоритъ Абани. «Изъ громаднхъ, съ обѣихъ сторонъ, потерь не вытекло никакого результата уже потому, что если бы Базенъ непремѣнно хотѣлъ отступить къ Вердѣну, то ему не могли бы воспрепятствовать въ томъ рѣшительно, судя по расположенію тѣхъ и другихъ корпусовъ въ ночь на 17-е число, въ особенности же по состоянію прусскихъ войскъ вечеромъ послѣ битвы и даже въ теченіе 17-го августа... Оба боя, 14-го и 16-го, являются, если смотрѣть на операциі въ общемъ смыслѣ, предпріятіями, служившими лишь второстепенной цѣли, именно — прикрыть большое фронтальное наступленіе на западъ; съ другой стороны, такую точку взгляда объясняется вполне впечатлѣніе огромнаго превосходства прусаковъ. Уже послѣ сраженія 16-го числа было достовѣрно извѣстно, что пока мѣсть, до сформированія арміи въ Шалонѣ, не существовало въ открытомъ полѣ никакого противника. Обстоятельства опять побуждали къ величайшей поспѣшности, чтобы помѣшать организациі новыхъ силъ противника. Что же касается стратегической цѣли боя 16-го августа для нѣмцевъ, то достиженіе ея принесло скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Было бы желательно отрѣзать Базена отъ его пассивныхъ боевыхъ средствъ. Въ Мецѣ онъ все еще казался опаснымъ противникомъ, который привязывалъ къ блокадной линіи гораздо большія силы нѣмцевъ, чѣмъ его собственныя; слѣдовательно, безспорная выгода заключалась въ удаленіи его отъ крѣпости. Что значили лишніе даже 60,000 человекъ такой плохо-организованной арміи, какъ армія Макъ-Магона? Но тогда прусская операционная армія сво-

бодно располагала бы 80,000 чел. Быть можетъ, 16-го августа — предполагая, конечно, сосредоточеніе достаточныхъ силъ — эта цѣль была бы достигнута атакою, направленною преимущественно на французскій центръ, и тѣмъ, чтобы противникъ безпрятственно отступилъ на этенскую дорогу. Дѣло дошло бы потомъ до рѣшительной битвы. Медленною же методикою прусаковъ достигнуть былъ радъ хотя и важныхъ, но нерѣшительныхъ успѣховъ, которые гораздо позже повели къ серьезной борьбѣ, потому что успѣла организоваться національная оборона, война затянулась и прусскія потери людьми и деньгами достигли колоссальной цифры».

Сущность сужденій Абани о сраженіи 18-го августа (при Сень-Прива) заключается въ слѣдующемъ. Въ виду чрезвычайно крѣпкой позиціи французовъ, можно было предвидѣть, что, даже въ случаѣ торжества прусаковъ, результаты боя окажутся незначительными, и если, несмотря на предстоявшія неминуемо-тяжелыя жертвы, прусаки рѣшились атаковать такую позицію, то это должно признать стратегическою и тактическою ошибкою. Обыкновенно прусскіе военачальники стараются хорошо уяснить себѣ цѣль, связанную съ предначертаннымъ предпріятіемъ. По стойкости французовъ въ бою 16-го августа, они могли получить понятіе о моральномъ элементѣ мозельской арміи, равно о ея силѣ и составѣ. Имъ не могло не быть извѣстно, что новый бой, увѣнчанный даже частнымъ успѣхомъ, отнюдь не заставитъ мозельскую армію сдаться, и что моральныя невыгоды, вызванныя разбитіемъ части этой арміи, будутъ уравнены въ теченіе немногихъ часовъ успокоительнымъ вліяніемъ фортвъ. Если же намѣреніемъ прусаковъ было преградить противнику отступление къ Вердѣну, то это могло быть достигнуто единственно оборонительными мѣрами. Словомъ, авторъ считаетъ необъяснимою рѣшимость прусаковъ атаковать сильную позицію, и не допускаетъ мысли, чтобы единственною при томъ цѣлю была возможность разослать побѣдныя депеши... Въ дѣйствительности, сраженіе 18-го августа почти ничего не измѣнило ни въ тактическомъ, ни въ стратегическомъ положеніи и ни однимъ днемъ не ускорило сдачи Меца.

Капроберъ занималъ съ 6-мъ корпусомъ правый флангъ при Сень-Прива; 4-й корпусъ (Ламиро) примыкалъ къ нему слѣва; въ центрѣ стоялъ 2-й корпусъ (Фросара); корпуса 3-й (Декэна) и гвардейскій удерживали мѣстность при Розерьелѣ. Противъ лѣваго французскаго фланга находились три прусскіе корпуса, 12-й, 10-й и гвардейскій; центръ былъ атакованъ 3-мъ и 9-мъ корпусами, слѣдовательно въ пропорціи 2:1, а позиція при Розерьелѣ была штурму-

ема тремя прусскими корпусами, 7-мъ, 8-мъ и 2-мъ, стало быть въ пропорціи 3: 2. И такъ, относительная сила обоихъ противниковъ, по числу корпусовъ, представляется какъ 8: 5, а по числу сражавшихся была въ пропорціи 17: 8.

Приведа цѣликомъ прусскую реляцію о достигнутыхъ кровопролитнымъ сраженіемъ результатахъ, именно, что главная французская армія была отрѣзана отъ всѣхъ сообщеній съ Парижемъ, Абани ссылается и на неофициальные источники, утверждающіе, что французы отступили ночью «по доброй волѣ», и что въ половинѣ девятого они еще вполнѣ занимали свои позиціи. Только крайній правый флангъ, 4-й и 6-й корпуса, вынужденъ былъ произвести перемѣну фронта, чтобы встрѣтить тотъ охватъ, который пытались сдѣлать, подъ покровительствомъ темноты, саксонскія войска (12-й сѣверо-германскій корпусъ). «Если такъ» — прибавляетъ авторъ — «то это обстоятельство доказываетъ, что здѣсь дѣло шло о напрасномъ кровопролитіи. Скажемъ болѣе: атака нѣмцевъ произвела ободряющее моральное дѣйствіе на французовъ, ибо огромныя потери нѣмецкихъ войскъ были имъ извѣстны. Численный перевѣсъ обнаружился во время боя, и ему одному должно приписать, что, въ продолженіе блокады Меца, недисциплинированныя и мало-годныя, въ боевомъ смыслѣ, войска Базена сдѣлались способными на всякое серьезное предпріятіе».

О потеряхъ нѣмцевъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ: одни саксонцы лишились 92 офицеровъ и до 2,000 нижнихъ чиновъ. Отношеніе убитыхъ офицеровъ къ солдатамъ было почти какъ 1: 10, раненыхъ и убитыхъ какъ 1: 20. Прусская гвардія потеряла до 7,000 человекъ, слѣдовательно слишкомъ пятую часть своего состава. Нѣкоторые полки оставили на полѣ сраженія по двадцати семи, по тридцати и даже по пятидесяти офицеровъ... Въ полку королевы Августы выбыло 899 человекъ... Цифры эти получаютъ особенно краснорѣчивый смыслъ, если сравнить съ ними уронъ при Кениггрецѣ, при Сольферино и вообще въ тѣхъ битвахъ, которыя доселѣ считались смертоноснѣйшими.

Абани слышалъ, что въ центрѣ французское наступленіе было отчасти успѣшно: въ семь часовъ, пѣхота прусскаго праваго фланга поколебалась отъ хорошо-направленнаго французскаго удара, а нѣкоторые, пришедшіе въ безпорядокъ, полки даже отступили торопливо... Положеніе прусаковъ поправилось только съ прибытіемъ 2-го (померанскаго) корпуса; но и онъ явился столь изнуреннымъ отъ форсированнаго марша, что Мольтке, для его ободренія, обнажилъ

шпагу и лично повелъ его на непріятеля. Наступившая темнота прекратила бой.

Ето же остался побѣдителемъ?

Обѣ стороны разослали почти буквально одинаковыя побѣдныя денеши. И обѣ были правы.

По мнѣнію Абани, нерѣшительность боя видна особенно изъ тѣхъ мѣръ, которыя были приняты послѣ его. Прусскій король остался на полѣ сраженія. Надлежало предвидѣть возобновленіе битвы. Но какъ атака за линію Аманвилье не входила въ планъ, и какъ, притомъ, дѣйствіе фортовъ Кантена, Плавилля и прочихъ дѣлала ее невозможною, то нѣмцы ожидали, что французы еще разъ предпримутъ наступленіе; слѣдовательно, не считали ихъ побѣжденными.

«Прискорбно», говоритъ Абани, «что безрезультатное, хотя и славное дѣло стоило столькихъ тысячъ храбрыхъ, принесшихъ себя въ жертву воиновъ».

Сраженіе 30-го августа, при Бомонѣ, авторъ характеризуетъ въ такомъ смыслѣ, что оно было первымъ проявленіемъ сосредоточенности нѣмецкихъ войскъ, а сосредоточенность ихъ имѣла послѣдствіемъ задержаніе на маршѣ арміи Макъ-Магона и приготовила ее окруженіе. Вечеромъ 30-го августа, Луи-Наполеонъ обратился, изъ главной квартиры Дюкро, въ Кариньянѣ, съ слѣдующею прокламаціей къ своимъ войскамъ:

«Солдаты! Такъ какъ начало войны было несчастливо, то я, отбросивъ всѣ личныя отношенія, передалъ главное начальство надъ арміями тѣмъ маршаламъ, на которыхъ преимущественно указывало общее довѣріе. До сихъ поръ ваши усилія не увѣнчивались успѣхомъ, однако я узналъ, что армія маршала Базена, подъ стѣнами Меца, находится въ выгодномъ положеніи, а армія маршала Макъ-Магона была потревожена лишь слегка. Нѣтъ, слѣдовательно, причины унывать вамъ. Вы остановили движеніе противника къ столицѣ, и вся Франція поднимается, чтобы отбросить вторгающихся враговъ. При столь серьезныхъ обстоятельствахъ, и такъ какъ императрица достойно заступаешь мое мѣсто въ Парижѣ, я предпочелъ роль солдата роли государя. Нѣтъ выше долга, какъ спасеніе отечества. Во Франціи найдется еще, благодареніе Богу, довольно мужественныхъ людей, а если окажутся трусы, то военные суды и общее презрѣніе заклемятъ ихъ праведною карою.

«Солдаты! Будьте достойны вашей старой славы! Богъ не оставитъ нашего отечества, если всякій исполнитъ свою обязан-

«Дано въ императорской главной квартирѣ въ Седанѣ, 31-го августа 1870 года.

«Наполеонъ».

Эта прокламація была послѣднимъ словомъ Луи-Наполеона, какъ императора; но она уже не могла быть обнародована въ наступившую критическую минуту. На другой день, съ самаго начала боя, Наполеонъ стоялъ пять часовъ сряду, у деревни Баланъ и на холмѣ ла-Монсель, подъ жестокимъ пушечнымъ огнемъ—явленіе, обнаруживающееся иногда въ тотъ моментъ, когда полководецъ утрачиваетъ всякую энергію, когда онъ чувствуетъ себя одушевленнымъ тѣмъ пассивнымъ мужествомъ, которое не можетъ произвести ничего существенно-полезнаго, и страдаетъ за собственную вину съ извѣстнымъ достоинствомъ....

Всѣ распоряженія прусскихъ военачальниковъ подъ Седаномъ авторъ называетъ «несравненными» (*unübertrefflich*). Уловленіе вѣрныхъ моментовъ, своевременная сдержанность и ускореніе атаки—все это было исполнено въ совершенствѣ. Если бы прусаки захотѣли *ускорить* успѣхъ въ центрѣ, прежде чѣмъ былъ конченъ охватъ, то результаты дня уменьшились бы, безъ сомнѣнія. Блистательное военное зрѣлище, въ смыслѣ образцоваго наступленія, представляла атака гвардейскаго корпуса, дѣйствовавшаго на лѣвомъ крылѣ, отчасти позади 12-го корпуса, отчасти возлѣ него.

Бъ сожалѣнію, такое колоссальное событіе, какъ седанскій погромъ, не увѣчалось ожидаемыми послѣдствіями. Убѣжденіе, высказанное въ прусской реляціи, что на поляхъ Седана не только уничтожена наибольшая часть французской арміи, но и рѣшенъ побѣдоносный исходъ германо-французской войны—это убѣжденіе оказалось призрачнымъ.... По обыкновеннымъ человѣческимъ расчетамъ, нельзя было, впрочемъ, думать, чтобы Франція могла продолжать борьбу. Кромѣ 25,000 французовъ, взятыхъ въ плѣнъ въ дѣлахъ подъ Седаномъ, по капитуляціи 2-го сентября положили оружіе 83,000 человекъ, въ томъ числѣ *четыре тысячи* офицеровъ. Раненыхъ подобрано было до 14,000. Болѣе четырехъ сотъ полевыхъ орудій, въ числѣ ихъ семьдесятъ картечныхъ, сто пятьдесятъ крѣпостныхъ пушекъ, 10,000 лошадей и громадный матеріалъ находились въ рукахъ побѣдителя. Присоединивъ къ этому уронъ при Бомонѣ и отъ трехъ до четырехъ тысячъ отброшенныхъ за бельгійскую границу, окажется всего до ста пятидесяти тысячъ человекъ, потерянныхъ, въ немногіе дни, для національной обороны по непрости- тельной винѣ черезъ чуръ угодливаго министра, слишкомъ сговорчи-

ваго генерала, но, главнымъ образомъ, конечно по милости эгоистиче- скаго властелина Франціи.... И однакожь Франція не просила о пощадѣ, а еще почти цѣлыхъ полгода боролась съ могучимъ врагомъ и надѣялась ему не мало хлопотъ.

Разсказъ о событіяхъ, закончившихся подъ Седаномъ, авторъ дополняетъ описаніемъ сраженія при Нуасвилѣ (31-го августа и 1-го сентября), которое отодвинулось на задній планъ только потому, что необычайное впечатлѣніе, произведенное плѣномъ Луи-Наполеона и его арміи, сосредоточило всѣ мысли на этой катастрофѣ. Тѣмъ не менѣе, полагаетъ Абани, бой при Нуасвилѣ, имѣвшій рѣши- тельное вліяніе на позднѣйшую капитуляцію Меца, не уступаетъ въ своемъ значеніи седанскому и по своему ходу, и по дѣйствіямъ сражавшихся.

VI.

Послѣ битвы подъ Седаномъ, французы не досчитывали у себя 322 батальоновъ. Отъ первой организованной арміи уцѣлѣлъ 41 батальонъ, да было 116 батальоновъ новаго формированія; всего, слѣдовательно, осталось 157 батальоновъ. вмѣсто прежнихъ 50 полковъ кавалеріи состояло на лицо только тринадцать, а вмѣсто 224 батарей полевой артилеріи (22 полка) 104 батареи. Эти 157 батальоновъ, 13 полковъ кавалеріи, 104 батареи, инженерныя войска и другія команды заключали въ своемъ составѣ около 150,000 человекъ, а съ прибавленіемъ жандармовъ много если до 175,000. Сто шестьдесятъ малыхъ крѣпостей требовали большого числа гарни- зоновъ, не говоря уже о Лилѣ и о Лионѣ. Седанъ отнялъ у фран- цузовъ 39 генераловъ, 230 штабъ и 2,095 оберъ-офицеровъ, 84,433 нижнихъ чиновъ, 400 полевыхъ орудій, 180 крѣпостныхъ, 80,000 центнеровъ пороха....

«Но не число взятыхъ въ плѣнъ, не множество потерянныхъ пушекъ и не позоръ многочисленной арміи имѣютъ исключительное вліяніе на конечное рѣшеніе войны.... Войны рѣшаются единственно тяжкими ранами, нанесенными моральной силѣ всей страны. Когда въ арміи и въ народѣ укореняется чувство побѣжденности, когда, съ довѣріемъ къ собственной силѣ, исчезаетъ всякая надежда, а подъ конецъ и всякое желаніе, тогда изсякаютъ и матеріальныя средства, ослабѣваетъ нервная сила единичныхъ личностей, и армія будетъ дѣйствовать и говорить такъ, какъ дѣйствуетъ и говорить часть ав- стрійскихъ гражданъ послѣ кампаніи 1866 года.... Такое состояніе, заслуженное или незаслуженное, выставляетъ постигнутый имъ народъ

въ жалкомъ свѣтѣ; но оно не имѣло мѣста во Франціи ни послѣ сраженія подъ Мецомъ, ни послѣ седанскаго погрома. Кому довелось во время событій 1870 года объѣхать Францію въ разныхъ направле- нійхъ и прослѣдить за тѣмъ, что происходило не только на боевыхъ поляхъ, но и внутри страны—какъ выпало на долю автора—тотъ не могъ не изумляться возрастающему одушевленію и рвенію народа. Мѣ- ры становились все настойчивѣе и настойчивѣе; народъ являлъ себя все болѣе и болѣе готовымъ на жертвы; армія постепенно утрачивала свое значеніе. Энергія, послужившая впоследствии источникомъ народ- ной борьбы, была напечатлѣна на всѣхъ лицахъ и сквозъ французскій пустозвонный пафосъ и театральныя выходки уже мерцая проблескъ той рѣшимости, которая принесла въ жертву идеи Парижъ и несмѣт- ную часть національнаго достоянія... Нетрудно оспорить и заподозрить проявленіе всѣхъ подобныхъ стремленій въ народѣ, страдающемъ такими многочисленными недостатками, какъ французскій. Въ нѣ- мецкомъ лагерѣ и — не столько въ лагерѣ воюющихъ, сколько въ станѣ пишущихъ—досадовали впоследствии на продолжительное сопро- тивленіе французовъ и называли его отчасти «преступнымъ», отчасти «безразсуднымъ». Тотъ, которымъ были проникнуты отзывы о седан- ской битвѣ, доказываетъ, что прусаки думали найти за разгром- ленными линіями непріятельской арміи народъ смиренно молящій о мирѣ...»

Очерчивая положеніе дѣлъ во Франціи предъ революціей 3 го и 4-го сентября, Абани указываетъ на отношенія, въ это время, французскаго народа къ арміи. Извѣстно, что наполеоновское прави- тельство старалось свести армію съ національной почвы и сдѣлать ее болѣе или менѣе послушнымъ орудіемъ для своихъ эгоистическихъ цѣлей. Такая политика повела къ весьма печальному явленію. Въ мирное время, всякій французъ, восхваляя подвиги своей арміи, знать ничего не хотеть о единицахъ, ее составляющихъ, и до вой- ны 1870 года, не было никакой соціальной связи между войскомъ и народомъ; особенно въ нисшихъ классахъ не обнаруживалось со- чувствія къ солдатамъ. Со вторженіемъ нѣмцевъ это измѣнилось. Народъ, въ своихъ понятіяхъ, строго отличалъ подвижныхъ гвар- дейцевъ отъ арміи и называлъ первыхъ «своими»; тѣмъ не менѣе онъ признавалъ заслуги войска, и въ тѣ минуты, когда получалъ извѣстія о неблагоприятныхъ событіяхъ, старался всячески ослабить дурное впечатлѣніе, защититъ войска отъ нареканій, даже обвиняя начальствовавшихъ генераловъ. Впоследствии, когда Парижъ былъ блокированъ, когда страданія и лишения сдѣлали буржуа недоволь-

ными и раздражительными, когда и сами солдаты гарнизона, своими поступками, опозорили себя, возникло враждебное противъ арміи настроеніе.

Авторъ отдаетъ справедливость генералу Трошию въ томъ, что онъ съ твердою рѣшимостію и съ большимъ тактомъ вступилъ въ наслѣдіе ошибокъ и полумѣръ Паликао. «Никогда еще на долю какого-либо генерала не выпадала задача болѣе обширная, болѣе возвышенная и болѣе трудная. Надлежало оборонять громадную сто- лицу, создавать средства къ оборонѣ, въ такую минуту, когда еще ничего не было, кромѣ доброй, но разъединенной и ошибочно направленной воли; надлежало восторжествовать въ самое короткое время надъ препятствіями боязливо-медлительнаго правительства, непостояннаго французскаго характера, безпокойныхъ политическихъ партій, совершенно разстроенаго государственнаго механизма и не- точно разграниченныхъ правъ. Первые мѣры генерала Трошию казались сбивчивыми, спутанными. Нужно было предпринять разомъ слишкомъ много важнаго, а для нѣкоторыхъ отраслей не оказывалось и способ- ныхъ людей. Въ каждомъ государствѣ, подчиненномъ черезъ-чуръ узкой централизаціи, рутина непремѣнно возьметъ верхъ надъ свѣжею дѣятельностію; привычка же получать всегда толчки свыше пара- лизуетъ, подъ конецъ, всѣхъ и все...»

Подчиненная генералу Трошию 20-го августа, армія, большою частію еще формировавшаяся, состояла изъ 33 полковъ маршевыхъ, 18 батальоновъ подвижной гвардіи, 60 батальоновъ мѣстной (se- dentaire) національной гвардіи, 6 эскадроновъ кавалерійской на- циональной гвардіи, двухъ полковъ жандармовъ и нѣсколькихъ депо. Техническія войска надлежало пополнить, главнымъ образомъ, изъ волонтеровъ.

Дѣлая очеркъ мѣръ, принятыхъ генераломъ Трошию къ устране- нію многочисленныхъ недостатковъ французской военной админи- страціи, авторъ сообщаетъ едва вѣроятныя подробности о неудовле- творительномъ, въ высшей степени, устройствѣ военно-меди- цинской части, такія подробности, доселѣ неизвѣстныя, которыя выставляютъ въ истинномъ свѣтѣ ужасающія страданія французскихъ солдатъ. И это у націи, которая съ незапамятныхъ временъ назы- ваетъ себя представительницею гуманности и распространительницею цивилизаціи!...

Остановимся на этомъ современномъ предметѣ, обращающемъ на се- бя заботливое вниманіе всѣхъ просвѣщенныхъ правительствъ.

Неоспорима истина, что одно изъ важнѣйшихъ требованій челоувѣ-

колюбія и науки есть готовность санитарной службы при началѣ войны, для чего необходимо поставить ее уже въ мирное время на такую степень, чтобы несчастныя жертвы войны были обезпечены, по возможности, вполне, т. е. чтобы въ случаѣ раненія или болѣзни онѣ пользовались тѣмъ уходомъ, на который имѣетъ безусловное право всякій боецъ за отечество. Но именно санитарная часть во французской арміи оказалась, въ 1870 году, даже худшею, чѣмъ она была въ войну восточную и въ итальянскую кампанію 1859 года. Еще въ 1855 и въ 1856 годахъ міръ съ ужасомъ узналъ, чрезъ описанія англійскихъ врачей, что изъ французскихъ раненыхъ болѣе девяноста процентовъ умерли не столько отъ болѣзней, сколько отъ отсутствія ухода и леченія... Въ 1859 году французы принуждены были, тотчасъ послѣ сраженія при Маджентѣ, закрыть все находившіяся въ тылу арміи полевые госпитали, вызвать въ передовую линію *свѣж* своихъ малочисленныхъ врачей и предоставить итальянскимъ медикамъ массы раненыхъ, собранныхъ въ итальянскихъ городахъ. Только заботливости сельскихъ обывателей надобно приписать, что процентъ смертности былъ тогда благоприятнѣе, чѣмъ при роковыхъ условіяхъ подъ Севастополемъ... Не смотря, однако, на столь горькіе опыты, санитарная часть явилась, какъ сказано, не лучшею въ 1870 году. Офіціальныя учрежденія для поданія помощи раненымъ оставались въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ существовали въ войны первой имперіи. Какой то необъяснимый застои господствовалъ съ тѣхъ поръ во всѣхъ отрасляхъ французскаго военно-медицинскаго вѣдомства; постоянные случаи къ совершенствованію, представлявшіеся въ Алжирѣ и въ другихъ многочисленныхъ войнахъ, нисколько не повліяли на разрывъ съ устарѣлою системою. Помимо плохого состоянія и нецѣлесообразной конструкціи матеріала, даже необходимыя въ госпиталяхъ вещи и подвижныя лазареты (ambulances) были рѣшительно дурны. Напримѣръ, лазаретная карета не была улучшаема *съ начала нынѣшняго столѣтія*, а отвергнутая въ 1867 году комисіями двухколесныя повозки употребляются и донинѣ, хотя причиняютъ несказанныя муки перевозимымъ на нихъ раненымъ. Самая научная часть санитарной службы—образованіе военныхъ хирурговъ—дурна до того, что французскій солдатъ пуще всего страшится попасть въ руки своихъ хирурговъ. Абани видѣлъ въ первый періодъ войны медицинскихъ студентовъ перваго и втораго курса, поступившихъ въ армію врачами, которые естественно не могли знать многого и, во всякомъ случаѣ, не могли замѣнить собою опытныхъ медиковъ. Вотъ, между прочимъ, разительное доказательство нецѣлесообразности

военныхъ врачей: давно извѣстныя гипсовыя перевязки, употреблявшіяся австрійскими медиками, въ «амбулаторномъ лазаретѣ законодательнаго сословія» (ambulance du corps législatif), показали французамъ весьма рациональнымъ *нововведеніемъ*... Да и за обыкновенными перевязками ранъ французскіе хирурги не наблюдали, предоставляя это своимъ помощникамъ, т. е. фельдшерамъ. Къ счастью, прусаки, удерживавшіе за собою, большею частію, поля сраженій, принимали на свое попеченіе тяжело-раненыхъ неприятелей.

Еще краснорѣчивѣе приведенныхъ данныхъ о плохой организаціи санитарной службы во французской арміи говоритъ фактъ, что въ мирное время приходится только по одному врачу на сто пятьдесятъ человекъ, а въ военное на семьсотъ человекъ... Понятно, почему, уже при самомъ началѣ кампаніи, надлежало обратиться къ частной помощи; но и тутъ выступило наружу почти невѣроятное явленіе: въ первый періодъ войны, военныя начальства почти ничего не знали о нѣкоторыхъ пунктахъ Женевской конвенціи и практическое примѣненіе ея было пренебрегаемо со свойственною всякому невѣжеству надменностію... Безъ содѣйствія частныхъ обществъ и безъ помощи иностранныхъ врачей, участь французскихъ раненыхъ была бы еще ужаснѣе, и раненые и больные понимали это: иностранные медики свидѣтельствуютъ единогласно, что несчастные страдальцы питали къ нимъ полное довѣріе.

Перечисливъ важнѣйшія распоряженія министерства и генерала Трою до исхода августа, авторъ упоминаетъ объ участіи, принятомъ въ оборонѣ страны частными людьми и народомъ. Партизанская война, дѣятельность вольныхъ стрѣлковъ, много тревожившихъ прусаковъ въ теченіе зимы, все это было основано въ названное время. Непризнаніе прусаками за французскими партизанскими отрядами военнаго характера Абани признаетъ несправедливымъ. Онъ говоритъ: «Нельзя ничѣмъ оправдать многочисленныхъ разстрѣливаній, случавшихся особенно въ Эльзасѣ. То обстоятельство, что сельскіе обыватели брались иногда за оружіе, дѣлали поиски, вредили небольшимъ прусскимъ командамъ и, будучи преслѣдуемы, бросали оружіе, не можетъ сообщить имъ характера *убійцъ*, какъ называли ихъ прусаки. Коль скоро сопротивленіе предпринимается цѣлымъ народомъ, то народъ поддерживаетъ борьбу всеми, имѣющимися въ его распоряженіи, средствами. Народъ не виноватъ, если правительство пренебрегло организаторскими мѣрами. Не страсть къ убійству побуждаетъ народъ дѣйствовать, но единственно общее желаніе участвовать въ оборонѣ отечества. Какъ бы ни сражался народъ, онъ все таки

неприятель, а по современнымъ законамъ войны съ неприятелемъ никто не обращается какъ съ *преступникомъ*. Конечная цѣль военной дѣятельности направлена къ тому, чтобы сдѣлать противника безвреднымъ, и кто бы ни брался за оружіе для общаго блага, не долженъ быть приравняемъ къ бунтовщикамъ и разбойникамъ. Образъ дѣйствій прусаковъ объясняется стремленіемъ «запугивать народъ»; но всѣ приводимые въ пользу такой мѣры доводы опровергаются легко. Запугиваніе не только не удалось, но при постоянныхъ и увеличивавшихся разстрѣливаніяхъ французскій народъ дошелъ до того, что, въ свою очередь, объявилъ имъцевъ *убійцами*. Такимъ образомъ посѣяна была глубокая ненависть между обѣими націями, ненависть столь обильная послѣдствіями, что и самые блистательные военные успѣхи не въ силахъ взвѣсить ее... Достойные вѣры очевидцы рассказываютъ, что прусаки разстрѣливали мужское населеніе цѣлыхъ деревень по той единственно причинѣ, что изъ какого-нибудь дома раздавался выстрѣлъ по проходившимъ колоннамъ. Разстрѣливаемы были даже женщины, а начальство баденской дивизіи подѣ Страсбургомъ употребляло эльзасскихъ крестьянъ на траншейныя работы подѣ градомъ ядеръ и пуль—мѣра въ высшей степени неморальная, вполнѣ способная запятнать народъ, отнять у него симпатіи тѣхъ, которые и въ войнѣ хотятъ видѣть законы гуманности неприкосновенными».

Обвиненіе, будто прусаки преднамѣренно стрѣляли по госпиталямъ и лазаретамъ, доказать, по мнѣнію Абани, трудно. Онъ полагаетъ даже, что подобными обвиненіями, доколѣ останется въ силѣ женева конвенція, противники будутъ обмѣниваться во всѣхъ войнахъ, что уже и случилось въ послѣднюю войну: имъцы обвиняли французовъ въ томъ же самомъ. Причина та, что въ пылу боя нѣтъ возможности избѣгнуть случаевъ кажущагося нарушенія женева конвенціи.

Приступая къ описанію революціи 3-го и 4-го сентября, авторъ, очевидецъ этого событія, заявляетъ, что хотя почва къ перевороту была подготовлена по винѣ потерявшаго голову императора, малодушнымъ министерствомъ и общимъ несчастіемъ, однако самая революція разразилась случайно. Седанская катастрофа была такимъ неожиданнымъ событіемъ, что коноводы революціонной партіи не имѣли времени приготовить свою програму... 3-го сентября, послѣ полудня, вечернія газеты возвѣстили о событіи подѣ Седаномъ, и только теперь парижане узнали всю великость несчастія и дѣйствительное положеніе Франціи. Сцены, затѣмъ послѣдовавшія, были потрясающія. Всѣ бульвары и улицы мгновенно наполнились людьми, ко-

торые, подѣ гнетомъ глубокой скорби, образовали густыя группы. Особенно около кіосковъ, гдѣ продавались газеты, и предѣ кофейнями толпились необозримыя массы, и среди ихъ кто-нибудь въ полголоса читалъ роковыя строки. Повсюду видны были озабоченныя, блѣдныя лица; вездѣ царствовала могильная тишина... Часу въ девятомъ вечера стало поживѣе: первый ужасъ улегся; французъ не долго печалится молча... На углу улицы Ришлье, гдѣ дорога къ Тюльери касается бульваровъ и гдѣ имѣли начало всѣ лихорадочныя движенія послѣдняго времени, собрались многія тысячи людей. Сборища эти были зловѣщія: толпы, совѣщающіяся между собою шопотомъ, служили искони знаменіемъ парижскихъ революцій. Такъ было и теперь. Вскорѣ сообщеніе по улицамъ прекратилось; народъ держалъ военный совѣтъ... Въ девять часовъ, изъ предмѣстій Монмартрскаго и Бельвильскаго хлынули новыя толпы во внутренность города и къ бульварамъ. Ярво освѣщенныя кофейни были переполнены читателями газетъ. Плотно сомкнувшись, стояли многими рядами мужчины, женщины, дѣвицы всякаго званія и всѣхъ возрастовъ съ газетными листами въ рукахъ, обращенными къ свѣту; фонарные столбы и всѣ тѣ мѣста, гдѣ только виднѣлся свѣтъ изъ огна или изъ лавки, были осаждены читателями... Въ десять часовъ, необъятная масса людей стала, наконецъ, волноваться. Послышался глухой говоръ, который, начавшись у Сень-Денискихъ Воротъ, все громче и громче распространялся до площади Согласія... Вдругъ — это было на углу улицы Ришлье — раздалось восклицаніе: «Vengeance!» (мечь!), подхваченное тысячами голосовъ. Блузникъ вскакиваетъ на плечи своихъ сосѣдей и кричитъ во все горло: «Vengeance et Déchéance!» (мечь и низверженіе!)... Онъ угадалъ настроеніе скопища... По необозримымъ рядамъ пробѣжалъ неопредѣленный гулъ... все смолкло, все обратилось лицемъ къ возгласителю, и, въ то же мгновеніе, вокругъ него собрались рабочіе, національные и подвижные гвардейцы... «Еъ Трошю!» грянули тысячи голосовъ—и бурныя волны людей устремились чрезъ улицу Ришлье къ Тюльери, гдѣ генералъ имѣлъ свою главную квартиру. Все, встрѣчавшееся на пути, было увлечено и очутилось скоро предѣ окнами популярнаго начальника столицы. Колонны Лувра были наполнены зрителями, дѣйствующія же лица оттѣснили часовыхъ, проникли въ подѣздъ и тамъ подняли шумъ. Они не переставали кричать: «Déchéance!» (низверженіе!), и это слово осталось лозунгомъ до провозглашеннаго на другой день низверженія императора Луи Наполеона...

Доказательствомъ неожиданности движенія служить, между прочимъ, и то, что большинство наличныхъ его свидѣтелей, прежде чѣмъ сдѣлалось извѣстно предложеніе Жюля Фавра въ палатѣ, считало ночныя сцены незначительными народными демонстраціями. Только утромъ 4-го сентября узнали, что движеніе, возникшее какъ бы само собою, было поставлено на сцену съ большою живостію. Многочисленные эмисары обрабатывали войска въ казармахъ, и легко успѣли въ своемъ дѣлѣ при присущемъ французскимъ солдатамъ враждебномъ расположеніи ко всякой власти, особенно къ высшимъ военнымъ начальникамъ. Солдаты, національные и подвижные гвардейцы, появившіеся на улицахъ, были привѣтствованы радостно. Вскорѣ, во главѣ демонстрировавшихъ группъ, показались зуавы и егеря (*chasseurs*).

По мнѣнію Абани, обстоятельства, при которыхъ временное правительство взяло въ свои руки власть, были едва-ли не труднѣе тѣхъ, когда первая французская революція отважилась на борьбу съ половиною Европы. Вся регулярная боевая сила страны была, въ буквальномъ смыслѣ, сокрушена: катастрофа, не имѣющая себѣ подобной въ исторіи, разгромила въ конецъ армію, гордую своими дѣйствительными или мнимыми успѣхами. Разъединенная внутри, слабая извнѣ, нація не могла надѣяться на продолженіе борьбы съ честію. Надлежало успокоить недовольные умы враждовавшихъ партій; организовать вновь сырые, хотя и годные, элементы для обороны Парижа и остальной Франціи; загладить ошибки и грѣхи нашедшаго правительства и въ кратчайшій срокъ поправить упущенное; наконецъ, люди, такъ легко достигшіе власти, не могли не опасаться потерять ее, лишь только массы отрезвятся... Дѣйствительно, уже 4-го сентября приверженцы имперіи приготовили контръ-революцію, которая, нѣсколько дней спустя, была предотвращена энергическимъ вмѣшательствомъ національной гвардіи и быстрою рѣшимостію парижскаго губернатора.... При такомъ положеніи дѣлъ, опыты исторіи, уроки теоріи, спокойное размышленіе и разумное сознаніе должны были побуждать къ миру — во что бы то ни стало. А именно въ этотъ самый моментъ весь народъ требовалъ продолженія войны на смерть.... Война, вѣдѣнная доселѣ солдатами, кончилась вмѣстѣ съ капитуляціей Седана; начиналась война народная.

Но продолжать войну хотѣли не одни французы: та же мысль руководила и пруссаками. Многіе упрекали пруссаковъ въ томъ, почему они не простили рыцарски французскому народу грѣховъ, въ которыхъ этотъ народъ не былъ виноватъ; французовъ же порицали

за то, что они безразсудно отважились на продленіе бесполезной, какъ казалось, борьбы. Авторъ думаетъ, что оба эти сужденія исходятъ изъ ошибочныхъ предположеній и разсматриваетъ вопросъ съ другой точки.

Продолженная борьба принесла французамъ моральное спасеніе. Народъ, сознавшій на что онъ способенъ, можетъ, когда обстоятельства ему улыбаются, совершить много великаго. Только въ оборонительной войнѣ на смерть уясняется понятіе, что честь народа и освобожденіе отечества достойны высшихъ жертвъ; тогда благородныя цѣли воплощаются предъ глазами гражданъ, и граждане паучаются презирать вещественныя выгоды, тысячи силъ пробуждаются къ дѣятельности.... Когда будущность вполнѣ раскроетъ неравенство матеріальныхъ военныхъ средствъ, тогда можно измѣрить и ту честь, которую стяжалъ французскій народъ, несмотря на всѣ его невзгоды, ошибки и увлеченія.

Пруссаковъ побуждали продолжать войну причины явныя и тайныя. Прежде всего, имѣлось въ виду доконать республиканское правительство Франціи; потомъ дѣло шло о завершеніи объединенія Германіи, столь счастливо начатаго. Достигнуть этого казалось возможнымъ только совокупнымъ дѣйствіемъ *остатъ* нѣмецкихъ войскъ и имѣющими возникнуть отсюда обстоятельствами. Можно было бы еще допустить, что, продолжая войну, пруссаки руководились мыслию отторгнуть отъ Франціи Эльзасъ и часть Лотарингіи. Авторъ считаетъ этотъ планъ «маловѣроятнымъ, несогласнымъ съ политическими видами сѣверо-германскаго государственнаго канцлера», и подкрѣпляетъ свое мнѣніе доводами, правду сказать, шаткими. Онъ разсуждаетъ такъ: «Хотя нѣмцы постоянно твердили о необходимости отнять у Франціи области, отторгнутыя Людовикомъ XIV, но ясный умъ государственнаго мужа не могъ увлекаться идеальными историческими впечатлѣніями. На возвращеніе прежнихъ нѣмецкихъ провинцій надобно смотрѣть какъ на ослабленіе новой германской имперіи, потому что прежняя, весьма сильная, граница много потеряла въ географическо-стратегическомъ смыслѣ: непримиримое никогда населеніе послужитъ авангардомъ всякаго будущаго французскаго предпріятія, и никакая война не въ состояніи ослабить французовъ до такой степени, что бы они перестали думать о возвратѣ потеряннаго». Абани думаетъ даже, что если бы послѣ Седана состоялся желанный миръ, то Франція долго не оправилась бы, а французскій народъ, быть можетъ, никогда не страхнулъ бы съ себя летаргію.... «Могущество Пруссіи являлось

тогда предъ изумленною Европою неоспоримымъ. Обширные, давно питаемые планы, какъ, на примѣръ, отторженіе нѣмецкихъ областей Австріи, а также другія комбинаціи, не могли теперь имѣть мѣста. Еще въ теченіе кампаніи, прусскій канцлеръ, не задолго передъ тѣмъ надменно говорившій и поступавшій съ Австріей, счелъ нужнымъ объясниться съ нею въ чувствахъ дружбы.... Скажемъ болѣе: могущественная Прусія, когда вызваны были ея послѣдніе резервы, очутилась въ такомъ положеніи, что была обязана, единственно и исключительно, дружескому, спокойному поведенію своей южной сосѣдки не только возможностью продолжать войну, но даже сохраненіемъ цѣлости своей территоріи....»

Абани, очевидно, ошибается или увлекается узкимъ патристическимъ взглядомъ на событія. Послѣ торжественнаго заявленія короля Вильгельма I, всему міру извѣстно, кому Прусія была обязана возможностью кончить войну счастливо и сохранить неприкосновенною свою территорію, сопредѣльную Австріи.

VII.

Пруссаки могли думать, что седанская капитуляція устранила всѣ дальнѣйшія препятствія и что продолженіе военныхъ дѣйствій будетъ только преслѣдованіемъ и эксплуатаціей побѣды. Послѣ этого момента, всякій искусственный стратегическій маневръ уже не имѣлъ мѣста; наступленіе къ главному предмету обусловливалось единственно требованіями продовольствія и скорѣйшаго движенія.

Обозрѣвая дѣйствія нѣмцевъ съ 1-го по 20-е сентября, и находя, что въ эти дни нѣмецкія арміи были раздроблены на большія и малыя части на всемъ пространствѣ между Парижемъ, Страсбургомъ и Мецомъ, Абани замѣчаетъ, что такой образъ дѣйствій не заключалъ въ себѣ ничего опаснаго: онъ былъ возможенъ только потому, что организація французскаго сопротивленія еще долго заставила ждать своихъ результатовъ. Авторъ думаетъ также, что, уже при самомъ началѣ обложенія Парижа, бомбардированіе города входило въ планы прусскихъ генераловъ, но что оборонительныя средства и стойкость столицы Франціи они считали далеко не важными, въ чемъ, конечно, ошибались. Доказательствомъ громаднхъ трудностей, встрѣченныхъ нѣмцами, служить то обстоятельство, что обстрѣливаніе Парижа началось лишь въ концѣ 1870 года, да и то безъ большой настойчивости. Трудности объясняются отчасти военными и мѣстными условіями, гуманныя же соображенія, по мнѣнію автора, мало

входили въ расчетъ. «Это было ясно для всякаго, кто безъ предубѣжденія слѣдилъ за разстрѣливаніями въ восточной Франціи, даже на всемъ театрѣ войны, и кто видѣлъ какъ поступали нѣмцы противъ Страсбурга и всѣхъ другихъ укрѣпленныхъ городовъ».

Абани перечисляетъ силы, которыми нѣмцы располагали во Франціи. Онъ считаетъ возможно-вѣрное опредѣленіе ихъ особенно важнымъ потому, что, съ обложеніемъ Парижа, начался, въ извѣстномъ смыслѣ, новый отдѣлъ войны. Выше было замѣчено, что при открытіи военныхъ дѣйствій, когда потери еще не уменьшили состава нѣкоторыхъ полковъ на одну четверть, даже на одну треть, въ первой, во второй и въ третьей арміяхъ было: 425 батальоновъ, 356 эскадроновъ, 1,452 орудія, всего 612,474 человекъ, изъ которыхъ собственно боевыхъ войскъ 438,452 пѣхоты, 56,203 кавалеріи = 494,655 человекъ. Въ моментъ, о которомъ идетъ рѣчь, баденская дивизія находилась въ Эльзасѣ; всѣ прочія войска принимали участіе въ наступательныхъ дѣйствіяхъ. До половины сентября уронъ превышалъ 100,000 человекъ. Убыль больными и неспособными, благодаря хорошей погодѣ и отсутствію эпидемій, простиралась только до пятнадцати процентовъ общаго состава, слѣдовательно равнялась 75,000 — 80,000 человекъ. Эта общая убыль въ 175,000 человекъ была отчасти покрыта тотчасъ же 95,000 человекъ изъ тѣхъ резервовъ, которые были двинуты на театръ войны послѣ кровопролитныхъ дѣлъ подъ Мецомъ. Такимъ образомъ, въ половинѣ сентября, прусско-нѣмецкая армія была почти въ комплектѣ. Но въ чертѣ дѣйствующихъ войскъ находились еще новыя части, а именно: 1) Первая дивизія гвардейскаго ландвера и первая резервная дивизія, которыя, вмѣстѣ съ баденцами, образовывали корпусъ генералъ-лейтенанта Вердера въ Эльзасѣ и состояли изъ 30 батальоновъ, 16 эскадроновъ, 36 орудій, всего около 30,000 пѣхоты и до 2,000 кавалеріи. 2) Третья резервная дивизія генерала Куммера, силою въ 28 батальоновъ, 16 эскадроновъ, 36 орудій, или 15,200 пѣхоты и 2,000 конницы. 3) Четвертая ландверная дивизія подъ Мецомъ изъ рейнскихъ и вестфальскихъ ландверовъ, силою въ 12 батальоновъ, 18 орудій = 10,000 человекъ. 4) Резервный корпусъ великаго герцога Мекленбургскаго, въ Лотарингіи, изъ 17-й пѣхотной и 2-й ландверной дивизій, вызванныхъ съ береговъ Нѣмецкаго Моря и имѣвшихъ въ своемъ составѣ 29 батальоновъ, 16 эскадроновъ, 54 орудія = 26,000 пѣхоты, 2,400 кавалеріи. 5) Магдебургскій и тюрингенскій ландверъ, въ видѣ этапнаго отряда, силою въ 10,000 человекъ. Всего, слѣ-

довательно, 101 батальонъ, 48 эскадроновъ, 144 орудія, или около 90,000 пѣхоты и 6,400 конницы.

Эти данныя взяты изъ обнаруженныхъ тогда прусскихъ источниковъ. По мнѣнію Абани, они не вполне согласны съ истинною, потому что нигдѣ не были принимаемы въ счетъ обозы фуражнскіе, артиллерійскіе, поитонные, провіантскіе и лазаретные. Между тѣмъ, число людей этихъ учрежденій было не мало: на каждый армейскій корпусъ приходилось слишкомъ по 4,000 человекъ, такъ что на всѣ тринадцать сѣверо-германскихъ корпусовъ надобно принять не менѣе 52,000 человекъ. По этой и по другимъ причинамъ, авторъ считаетъ вѣроятнымъ, что Германія уже тогда отправила во Францію наибольшую часть своей силы, и что почти съ достовѣрностію можно допустить слѣдующія цифры: 612,000 линейнаго войска; 100,000 резервныхъ и ландверныхъ дивизій, находившихся во Франціи; 56,000 обоза; 25,000, по наименьшей мѣрѣ, человекъ: осадной артилеріи, отряда блокировавшаго Тюцвиль, партизанскаго отряда въ верхнемъ Эльзасѣ, всѣхъ военно-санитарныхъ учрежденій, полевой почты, полевыхъ телеграфовъ, желѣзно-дорожныхъ командъ и т. д.; наконецъ, 95,000 резерва, уже прибывшаго во Францію для покрытія убыли. Въ общемъ итогъ это составитъ 897,000—900,000 человекъ.

«Предъ лицомъ такой силы, при безспорной храбрости и достоинствѣ войскъ, при искусномъ веденіи малой войны, приобретенный успѣхъ утрачиваетъ много изъ своего ослѣпляющаго блеска, а, съ другой стороны, значительно ослабляется и тѣнь, падающая на французскую армію и на французскій народъ».

Кромѣ перечисленныхъ силъ, имѣлось еще 140 ландверныхъ батальоновъ, для сформированія изъ нихъ тѣхъ резервныхъ армій, численность которыхъ прусаки всячески старались преувеличить. Резервы, расположенные въ Берлинѣ и въ Глогау и въ распоряженіи которыхъ были еще остатокъ прежняго контингента и весь рекрутскій контингентъ 1870 года; формированіе четвертыхъ батальоновъ при всѣхъ полкахъ; южно-германскій ландверъ (148 батальоновъ), вюртембергская линейная бригада и четвертые полевые батальоны, которые имѣла выставить Баварія—всѣ эти части должны были дать, по меньшей мѣрѣ, 250,000 человекъ. Наконецъ, выставлено было четырнадцать резервныхъ кавалерійскихъ полковъ и сформированы шесть эскадроны.

Столь обширный планъ, выходившій отчасти за рамки первоначально предначертанной организаціи, не увѣнчался, однако, полнымъ успѣхомъ. Напримѣръ, три резервныя арміи должны были имѣть

180,000 человекъ; на самомъ же дѣлѣ существовалъ только резервный корпусъ изъ 17 батальоновъ, 4 эскадроновъ и 6 батарей. Уже сталъ обнаруживаться недостатокъ въ офицерахъ, доказательствомъ чему служить то, что начальство третьяго армейскаго корпуса предписало тѣмъ больнымъ и раненымъ офицерамъ, которые еще не могли возвратиться въ дѣйствующія войска, отправиться въ войска резервныя. Эти послѣднія, дѣйствительно, имѣли въ своемъ составѣ, большею частію, болѣзненныхъ и легко раненыхъ офицеровъ, а въ началѣ сентября и всѣ отставные, состоявшіе на пенсіи офицеры получили приглашеніе поступить на службу. При подобномъ напряженіи всѣхъ силъ страны, умы многихъ ландверистовъ резервной арміи были настроены озлобленно: несмотря на строгія наказанія, нерѣдко разомъ по двадцати пяти человекъ подавали просьбы объ увольненіи, ссылаясь на бѣдственное положеніе своихъ семействъ, а когда въ Глогау между ними распространилось мнѣніе, что предвидится война съ Австріей, то солдаты изъ поляковъ объявили прямо, что противъ австрійцевъ сражаться не будутъ.

Такъ называемая «глогауская резервная армія», силою въ 20,000 человекъ, была эшелонирована по линіи Глогау-Шпротау-Гандсдорфъ, вдоль желѣзной дороги. Для этого были употреблены имѣвшіеся на лицо батальоны ландверной пѣхоты, и къ нимъ присоединены вновь сформированные резервные кавалерійскіе полки и резервныя батареи линейныхъ артиллерійскихъ полковъ. Формированіе четвертыхъ батальоновъ оказалось возможнымъ только при тѣхъ полкахъ, которые не понесли особенно чувствительнаго урона; стали брать даже ландверистовъ старшихъ годовъ. Настроеніе народа въ Познани было настолько ненадежно, что ландверисты № 18-го польскаго пѣхотнаго полка, долженствовавшіе войти въ составъ четвертыхъ батальоновъ, не получили оружія, несмотря на достаточные запасы его, и находились собственно подъ надзоромъ. Пушки изъ внутреннихъ крѣпостей были отчасти вывезены; даже изъ Глогау орудія были отправлены подъ Мець. Вообще, въ это время, воинственный энтузіазмъ ландвера испарился, и убѣжденіе, что съ Седаномъ война не кончилась, отрезвила часть обѣдѣвшаго, истощеннаго населенія.

Абани придаетъ важное значеніе факту, что такъ какъ результаты законной организаціи оказались недостаточными для окончательнаго разгрома французовъ, то пришлось прибѣгнуть къ отступленіямъ отъ закона: сюда онъ относитъ формированіе четвертыхъ батальоновъ, шестыхъ эскадроновъ и новыхъ резервныхъ кавалерійскихъ полковъ изъ ландвера, особенно же включеніе въ регулярныя войска ландве-

ристовъ послѣднихъ годовъ. Впрочемъ, только въ первомъ, въ пятомъ и въ шестомъ корпусахъ удалось укомплектовать резервные батальоны изъ старыхъ ландверистовъ; резервные же эскадроны, высланные въ свои полки по пятидесяти и по шестидесяти лошадей, состояли на двѣ трети коней изъ ремонтовъ, выѣзженныхъ только въ продолженіе шести недѣль, а на одну треть изъ почти негодныхъ лошадей. Въ Шпандау усиленно работали надъ приготовленіемъ орудій для новыхъ резервныхъ батарей, и тѣ резервные части артиллеріи, которыя отдали своихъ людей, были комплектуемы немедленно вновь призванными.

«Послѣ представленнаго очерка нѣмецкихъ боевыхъ силъ, можно сказать безошибочно, что Прусія, уже въ сентябрѣ, могла возмѣщать возрастающія потери—слѣдствіе тяжкихъ военныхъ трудовъ и чрезвычайно усилившихся заболѣваній—лишь принесеніемъ въ жертву своихъ послѣднихъ вспомогательныхъ источниковъ. Правительство позаботилось о томъ, чтобы скрыть истинное положеніе дѣлъ частымъ передвиженіемъ находившихся въ странѣ войскъ, помѣщеніемъ во всѣхъ газетахъ Европы хорошо разсчитанныхъ извѣстій и т. д.»

Авторъ характеризуетъ затѣмъ войну до Седана и до блокады Парижа. По его мнѣнію, война до обложенія столицы Франціи имѣетъ меньшій интересъ, такъ какъ это была благоустроенная борьба отлично-организованныхъ массъ, которыя, въ громадномъ численномъ превосходствѣ, наводили плохо-управляемую страну и побѣдили войско, во всѣхъ отношеніяхъ дурно предводимое. До дня подъ Седаномъ торжествовала образцовая организація надъ силою, односторонне подготовленною, испорченною рутинною.

«Блестящая побѣда при Седанѣ можетъ ввести въ заблужденіе относительно высокаго достоинства перваго періода кампаніи; но самыя мѣры, подготовившія это счастливое предіріятіе и сопровождавшія его, болѣе ослѣпительны, чѣмъ достойны безотчетнаго восхваленія. Начать съ того, что предіріятіе было вызвано неописанно-безсмысленными дѣйствіями противника и успѣхъ былъ заранѣе обезпеченъ главною силою прусской арміи—правильнымъ и рѣшительнымъ направленіемъ ея въ противоположность безтолковымъ французскимъ распоряженіямъ. Дѣйствительный интересъ пріобрѣтаетъ борьба лишь съ тѣхъ поръ, какъ силы начали уравниваться и положеніе стало благоприятнѣе для французовъ, но крайней мѣрѣ въ моральномъ смыслѣ; когда, такъ сказать, «облава» уступила мѣсто «регулярному бою», когда французскій народъ явилъ себя готовымъ на жертвы для спасенія чести и цѣлости страны.... Не разъ слабыя арміи были

побѣждаемы сильнѣйшими, хотя и не истребляемы въ такой степени. Въ 1814 году, армія, конечно меньшей силы и притомъ такого полководца какъ Наполеонъ I, шла по тому же пути, по которому двигались войска нынѣшняго прусскаго короля; но еще никогда не случалось, чтобы, послѣ разгрома цѣлой арміи, послѣ овладѣнія могущественнымъ непріателемъ богатѣйшей и плодороднѣйшей части государственной территоріи, обширная, богатая и роскошная столица рѣшалась на оборону, и притомъ на такую оборону, которая стяжала французскому народу уваженіе всѣхъ націй. Еще никогда народъ, утратившій свою вооруженную силу, не проявлялъ столь непоколебимаго мужества и столь единодушной рѣшимости въ постоянно новыхъ, хотя часто неудачныхъ, попыткахъ отвергнуть требованія побѣдителя. Не менѣе необыкновенно и то, что страна, раздираемая партіями и революціями, могла быть единодушна въ главномъ дѣлѣ—бороться до послѣдней крайности».

И въ научномъ отношеніи авторъ находитъ наибольшій интересъ лишь послѣ седанской катастрофы. «Спорный вопросъ о томъ, какія войска, постоянныя, основанныя на чисто-военныхъ элементахъ, или войска, создаваемые общою воинскою повинностію, въ которыхъ солдаты и граждане истекаютъ изъ одного источника—изъ любви къ отечеству—могутъ вѣрнѣ содѣйствовать оборонѣ отечества? этотъ вопросъ былъ рѣшенъ уже въ первыя фазы кампаніи. Послѣ Седана выступила другая первѣйшая проблема. Армія, которую, несмотря на присоединенные къ ней элементы стараго професіональнаго войска, можно назвать милиціонною, начала формироваться, организоваться, увеличиваться, драться при обстоятельствахъ, имѣвшихъ несомнѣнное сходство съ первыми эпохами американской внутренней войны. За побѣду борются войско милиціонное и войско кадровое, и притомъ превосходное кадровое войско съ войскомъ милиціоннымъ воинственной, готовой на жертвы націи.... Прусскіе успѣхи заставили замолчать идеалистовъ, горой стоявшихъ за милицію. Мы видѣли, какъ несказанныя усилія цѣлой націи разбивались о твердыню арміи, которою предводительствовали искусные генералы и которая состояла, главнымъ образомъ, изъ такихъ же солдатъ; видѣли мы и контрастъ между войскомъ, гдѣ граждане суть brave солдаты, и тѣмъ войскомъ, гдѣ солдаты являются крайне ненадежными гражданами. Мы научились оцѣнивать достоинство прусской дисциплины особенно въ позднѣйшій періодъ роковой борьбы, когда бѣдствія, суровость времени года, лишенія, начинавшіяся упадокъ физическихъ силъ подчи-

ненных и духовныхъ силъ начальствующихъ долгое время грозили серьезными опасностями бытію завоевательной арміи...»

Но главнѣйшій научный интересъ лежитъ, по убѣжденію Абани, въ оборонѣ Парижа, и потому онъ входитъ въ довольно подробное описаніе «этой величайшей и прекраснѣйшей крѣпости въ мірѣ», знакомя читателя съ ея тактическими, фортификаціонными и стратегическими особенностями. Между прочимъ, авторъ поставляетъ на видъ, что если пруссаки могли, вопреки господствовавшей теоріи, блокировать крѣпость такого громаднаго объема, то это должно приписать не столько многочисленности блокадной арміи, сколько неумѣлости французовъ помѣшать блокадѣ. Уже въ послѣднихъ числахъ сентября обложеніе удалось въ такой мѣрѣ, что въ городъ не могла проникнуть не только ни одна газета, но даже достовѣрное частное извѣстіе, что въ началѣ октября Парижъ не знаетъ о томъ, палъ ли Страсбургъ, можетъ-ли Базенъ продолжать сопротивление и какое положеніе приняли великія державы въ виду многознаменательныхъ событій....

Описаніе осады Страсбурга авторъ помѣстилъ въ концѣ книги, не желая прерывать своего послѣдовательнаго разсказа. Важность пріобрѣтенія этого пункта переправы чрезъ Рейнъ онъ видитъ въ томъ, что операціонный базисъ цѣмцевъ измѣнился *разомъ*: операціонная линія уже не лежала отнынѣ почти въ удлинненіи базиса, и перемѣна военнаго счастья уже не могла навлечь какой-либо бѣды на прусскую армію, предполагая, конечно, что опасность, грозившая со стороны Люна и французскаго четырехугольника, была бы предупреждена своевременно.

Какъ очевидецъ, авторъ свидѣтельствуетъ, что, въ моментъ капитуляціи, Страсбургъ находился еще вполне въ удовлетворительномъ фортификаціонномъ состояніи и могъ бы держаться долгое время; но крѣпость нуждалась въ артилерійскихъ и инженерныхъ офицерахъ, въ порохѣ, вообще не была приведена въ надлежащее оборонительное положеніе и, вслѣдствіе того, нецѣлесообразно обороняема. Если же, не смотря на то, она могла продержаться столько времени, то, съ одной стороны, это свидѣтельствуетъ о мужествѣ гарнизона, а съ другой доказываетъ преувеличенія тѣхъ извѣстій, которыя говорили о разрушительномъ дѣйствіи прусской артилеріи. Пострадали только бастіоны 11-й и 12-й; но ни одна изъ прѣбитыхъ брешей еще не была удобовосходима для штурма.

Упомянувъ затѣмъ о составѣ прусской осадной артилеріи, Абани

даетъ понятіе объ огромныхъ издержкахъ современныхъ войнъ: каждый выстрѣлъ изъ 72-фунтовой пушки стоилъ около *ста* гульденовъ (65 рублей), изъ 8-дюймовой мортиры *пятьдесятъ* гульденовъ (32 р. 50 к.); расходы часового огня изъ 72-ф. пушки могутъ быть исчислены въ 1,500—2,000 гульденовъ (975—1,300 рублей).

Результаты пропорціональны такой стоимости только въ благоприятнѣйшемъ случаѣ. Снарядъ 72-фунтоваго орудія, брошенный на разстояніи 600 шаговъ, проявляетъ силу въ 4,000,000 футо-фунтовъ; бомба 8-дюймовой, заряжающейся съ казны, мортиры, вѣсящая 150 фунтовъ, можетъ пролетать дистанцію въ 4,100 шаговъ, достигать высоты въ 3,876 футовъ и обнаруживать притомъ еще силу въ 970,000 футо-фунтовъ.

«Въ виду подобныхъ средствъ войны, возрастаетъ удивленіе къ войсковому начальству Пруссіи, которое, при всей бережливости, характеризующей это государство, умѣло подготовить въ мирное время такой цѣнный матеріалъ, такой колоссальный боевой аппаратъ. Но и успѣхъ войны утрачиваетъ, при этомъ, часть своего ошеломляющаго обаянія. Не зная обоюдныхъ матеріальныхъ силъ, мы не могли бы оцѣнить отношенія силъ моральныхъ, и рисковали бы назвать минувшую войну единоборствомъ исполина съ презрѣннымъ карликомъ».

Этими словами Абани оканчиваетъ первую половину своего труда. Вторая половина, описывающая народную войну во Франціи, будетъ предметомъ особой статьи.

Т.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ № 11-мъ «Военнаго Сборника» помѣщена замѣтка г. В. Домбровскаго «По поводу исторіи 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка», составленной штабсъ-капитаномъ Шабановымъ. Въ статьѣ г. В. Домбровскаго было высказано нѣсколько замѣчаній на «исторію» означеннаго полка и личные взгляды автора на періодъ времени командованія полкомъ К. А. Бельгарда.

Т. LXXXVIII. Отд. II.

Въ настоящее время, нами получены заявленія, что характеристика времени командованія К. А. Бельгарда во многомъ не согласна съ дѣйствительностью. Лица, близко знавшія покойнаго Карла Александровича, свидѣтельствуютъ, что, если во время командованія имъ полкомъ, эриванцы и были не прочь отъ «товарищескихъ пирушекъ», то это далеко не выражалось въ какихъ-либо «нравственныхъ безобразіяхъ», какъ на то указываетъ г. Домбровский, и отнюдь не вело за собою печальныхъ послѣдствій, а тѣмъ болѣе случаевъ нарушенія дисциплины. Лучшее доказательство тому лестные отзывы о полку начальства, а также блестящіе боевые подвиги, совершенные полкомъ, во главѣ котораго стоялъ храбрый Бельгардъ. Подобные подвиги не могутъ быть отнесены лишь къ «счастью», но свидѣтельствуютъ объ отличномъ состояніи полка во время командованія покойнаго К. А. Бельгарда.

Точно также лица, служившія при покойномъ, свидѣтельствуютъ, что онъ слишкомъ дорожилъ своимъ именемъ, чтобы позволить кому-либо безотчетно распоряжаться имъ, какъ о томъ упоминаетъ авторъ въ концѣ своей статьи.

Приводя эти заявленія, редакція, съ своей стороны, считаетъ пужнымъ оговориться, что она съ охотою помѣститъ на страницахъ журнала разъясненія касательно періода времени командованія Эриванскимъ полкомъ одного изъ доблестныхъ кавказцевъ.